

Наталья Маратовна Филатова

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32-А. E-mail: natalifilatova@yandex.ru

Светская жизнь как форма национального сопротивления (из истории протестного поведения поляков в конституционном Царстве Польском)

Основной целью работы является реконструкция русско-польских отношений в созданном в 1815 г. по инициативе Александра I Царстве (Королевстве) Польском. Создавая это государство, формально соединенное с Россией лишь династической унией, Александр I руководствовался идеей примирения двух народов и забвения национальной вражды. Однако эта идея не нашла отклика ни в русском, ни в польском обществе. В статье рассматривается одна из форм протестного поведения поляков против присутствия русских и российской политики в конституционном Царстве Польском (1815–1830), связанная со сферой светской жизни. В фокусе внимания — бойкоты мероприятий и демонстративный траур во время следствия по делу членов Патриотического общества и Сеймового суда (1827–1828) над ними. Источниками для исследования послужили как польские, так и российские документы личного происхождения — мемуаристика, эпистолярное наследие, а также польская периодическая печать и литература — памфлеты, направленные против поляков, танцующих с русскими, и сцены из поэмы А. Мицкевича «Дзяды». Новизна работы состоит в обращении на польском материале к светской жизни как одной из форм выражения национальной идентичности. Данная проблема исследовалась в контексте также малоизученной темы — истории русской колонии в Варшаве и взаимодействия образованных русских и поляков на повседневном уровне. Одна из важнейших задач статьи — создание исторической картины, свободной от историографических и художественных наслоений, связанных с влиянием романтизма на польскую историческую память. Для этого сравнивались источники разного типа — эго-документы, а также литературные тексты эпохи — с художественной литературой, созданной уже после польского национально-освободительного восстания 1830–1831 гг.

Ключевые слова: российско-польские отношения в XIX в., русские в Варшаве, Патриотическое общество (1821–1826), Сеймовый суд (1827–1828),

патриотическая этика, бал, «Дзяды», Адам Мицкевич, протестное поведение, нравственно-политическая сатира, польская мемуаристика

Цитирование: *Филатова Н.М.* Светская жизнь как форма национального сопротивления (из истории протестного поведения поляков в конституционном Царстве Польском) // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 310–344. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.13.

Общественная жизнь в конституционном Царстве Польском (1815–1830) была полна конфликтов. Ключевую роль в них играло присутствие там русских: как представителей верховной власти — главнокомандующего польской армией великого князя Константина Павловича и императорского комиссара при Государственном совете Царства Польского Николая Николаевича Новосильцева (1731–1838), так и чиновников их канцелярий, а также расквартированных в Польше частей российской армии. Наездами бывали в Царстве императоры (именовавшиеся там польскими королями) Александр I и Николай I и другие представители правящего дома с многочисленной свитой, а также дипломаты и сановники, приезжавшие в Варшаву во время заседаний сейма. К сожалению, отношения русских с польским обществом (под *обществом* мы подразумеваем прежде всего аристократические и высшие административные круги, а также военную и интеллектуальную элиты) со временем ухудшались. Этому немало способствовал неудачный выбор представителей российской власти в Польше. Историкам хорошо известно, что поведение великого князя Константина Павловича, выполнявшего *de facto* роль наместника, отличалось деспотизмом и произволом, а жестокость, которую проявил Новосильцев по отношению к учащейся молодежи во время расследования им деятельности тайных обществ в Виленском учебном округе в 1823–1824 гг., сделало его навеки одиозной для польского сознания фигурой¹.

Изменились со временем и преобладающие в польском обществе политические и культурные тенденции. Начиная со времени создания Царства Польского и наделения его конституцией в 1815 г. и вплоть до начала 1820-х годов доминировала тесно связанная с приверженностью духу и букве конституции либеральность, которая в то же время являлась частью просветительской доктрины. Оппозиционные

¹ См., например: Фалькович 2010.

настроения находили выражения в сейме, на страницах периодических изданий. Перелом, произошедший в 1821–1823 гг., на фоне распространения революционного движения в Европе, был связан как с переходом оппозиции в конспиративные формы, развитием романтического духа бунтарства, так и с изменением правительственного курса, ужесточением цензуры, развитием политического сыска и преследований членов тайных организаций².

На этой волне в 1821 г. Валерианом Лукасиньским (1786–1868) было основано Патриотическое общество, преобразованное из Национального масонства, но, в отличие от него, преследовавшее политические цели. Оно стремилось к независимости Польши и объединению земель бывшей Речи Посполитой, хотя и не ставило целью скорое вооруженное выступление. В 1822 г. Лукасиньский был арестован, а в 1824 г. осужден как единственный и главный его организатор. Однако в 1823–1825 гг. общество завязало контакты с будущими декабристами, состоялось несколько встреч и переговоров. До союза польских и русских революционеров дело так и не дошло, но после разгрома декабристского движения эти факты были раскрыты. В феврале 1826 г. цесаревич Константин Павлович учредил в Варшаве Следственный комитет по делу Патриотического общества. Состав комитета, формальным главой которого был председатель Сената С. Замойский, был смешанным: половина его состояла из русских — генералы Дмитрий Дмитриевич Курута (1769–1833), Александр Иванович Кривцов (1784–1851), капитан-командор Павел Андреевич Колзаков (1779–1864), секретарь великого князя для поручений по дипломатической части барон Павел Осипович Моренгейм (1785–1832), а также Н. Н. Новосильцев. Подозреваемых в «государственной измене» содержали в монастыре кармелитов в варшавском районе Лешно, откуда возили на допросы. Комитет закончил деятельность в октябре 1826 г., в его окончательном рапорте содержалось требование отдать под суд восьмерых обвиняемых (С. Кшижановского, С. Солтыка, Ф. Маевского, ксендза К. Дембека, С. Заблоцкого, В. Гжималу, А. Плихту, Р. Залуского; обвиняемые, происходившие с «отторгнутых» земель, должны

² Причины кризиса, охватившего в 1821 г. все сферы общественной жизни, были обобщены, в частности, польским историком Марцелием Хандельсманом (1882–1945), см.: Handelman 1939.

были предстать перед российским судом). В результате длительной закулисной борьбы представителей власти в апреле 1827 г. император Николай I издал постановление о созыве Сеймового суда — в соответствии с конституцией высшего судебного органа Царства Польского. Сеймовому суду, состоявшему из сенаторов Царства Польского под председательством сенатора-воеводы Петра Белинского (1754–1829) (активную роль в его деятельности играл также Адам Ежи Чарторыйский (1770–1861)) пришлось долго ждать, прежде чем начать деятельность. После формирования и первого заседания 15 июня 1827 г. лишь в январе 1828 г. начался процесс, который проходил во дворце Красиньских. Перед этим Сеймовый суд создал собственную следственную комиссию, результатом расследования которой были почти полностью отклонены выводы предыдущей. Возник серьезный конфликт с российской стороной: в Варшаву была отправлена делегация российских сенаторов (в нее вошли генерал от кавалерии, князь Василий Сергеевич Трубецкой, генерал-лейтенант Максим Федорович Ставицкий, Алексей Васильевич Васильчиков и Петр Сергеевич Кайсаров), которая привезла с собой обвиняемых, не подлежащих польской юрисдикции, с целью перекрестных допросов. Однако П. Белинский проявил негибкую волю и воспрепятствовал влиянию присланных из России сановников. 10 апреля 1828 г. во дворце Красиньских начались открытые слушания с участием обвиняемых, в результате которых 22 мая практически единогласно члены польского Сеймового суда (единственным голосовавшим против был генерал Винцентий Красиньский (1782–1858)) сняли с них обвинение в государственной измене. Было признано, что Патриотическое общество не имело преступных целей. Подсудимым были вынесены самые мягкие из возможных приговоров, лишь С. Кшижановский был осужден на три года тюрьмы за недонесение имевшихся у него сведений о заговоре декабристов. Николай I выразил неудовольствие решением суда, но не изменил его, утвердив, правда, лишь в марте 1829 г.

Мы подробно остановились на истории следствия и суда по делу Патриотического общества, поскольку именно эти события стали катализатором открытого недовольства «чужой» властью и антироссийских публичных жестов и высказываний. Результаты Сеймового суда вызвали бурную реакцию среди поляков. По свидетельствам современников, его последствия были более революционны

и в большей степени подготовили страну к восстанию, чем деятельность самого Патриотического общества.

Однако следует иметь в виду, что негативный настрой по отношению ко всему русскому имел также историко-культурные корни и выражался в устойчивых предубеждениях³. Свежи в памяти были разделы Польши, восстание под руководством Тадеуша Костюшко в 1794 г., война 1812 г., в которой польские военные формирования принимали участие на стороне Наполеона, надеясь с его помощью возродить польскую государственность. Поэтому идея примирения двух народов и забвения вражды между ними, которая легла в основу политики Александра I при создании Царства Польского, плохо воспринималась польской стороной (как, впрочем, и русской).

Знаки неприятия русских и «русских понятий», отторгавшихся польским обществом, проявлялись по-разному в разных стратах и сегментах общества. Их по-своему выражали студенты и офицеры (чей протест потом вылился в Ноябрьское восстание 1830 г.), легальные участники политической жизни — послы и депутаты сейма, представлявшие в основном шляхту, тесно связанная с ними либеральная интеллигенция, и, конечно, аристократия. Генерал Ян Круковецкий (1772–1850) в 1822 г. писал А. Е. Чарторыскому: несмотря на любовь и благодарность поляков к Александру I, едва ли стоит обвинять их в том, что они не могут полюбить его чиновников. По его словам, жители Царства Польского жалуются на то, как с ними обращаются царские «паши»⁴.

Понимала сложность отношений и российская сторона, настроенная тем не менее гораздо более благодушнее. Великий князь Константин в феврале 1821 г. Алексею Андреевичу Аракчееву (1769–1834) сообщал из Варшавы

У нас здесь, слава Всевышнему, все спокойно и благополучно. <...> Что же касается до политических мыслей большого света, об том я умалчиваю; в.с. [Ваше сиятельство. — *Н. Ф.*], пожив с нами, его видели сами. Дай Боже мне обмануться; но меры нужны самые деятельные, чтоб прекратить зло в самом его начале и корне. Впрочем, мне сдается, что сие заражение умов есть генеральное и замечено не только здесь, но и повсюду⁵.

³ См., например: Bobryk, Faryno (red.) 2000; Хорев (ред.) 2002; Lazari (red.) 2006; Филатова, Хорев (ред.) 2009.

⁴ Dylagowa 1970: 130.

⁵ Россия и Польша в 1814–1831 гг. // Русская старина. 1882. Т. 34. № 4. С. 261–262.

В Царстве Польском действовала разветвленная сеть тайной полиции великого князя: донесения ее агентов, главными из которых были Матеуш Шлей и Хенрик Макротт, повешенные восставшими в 1831 г., отложились в Главном архиве древних актов в Варшаве⁶. Агенты следили за всеми, фиксируя поведение горожан в общественных местах, разговоры в кофейнях, трактирах, на улицах и балах, при этом наибольшее внимание уделялось антироссийским высказываниям и реакции населения на политические события. Следили за настроениями среди военных, масонства, за наиболее беспокойной частью польского общества — учащейся молодежью. В компетенцию Макротта входили настроения в городе во время процесса по делу Патриотического общества. Доносы Шлея касались высших сфер польского общества, в них содержались в том числе характеристики польских генералов и офицеров. Так, в конце 1827 г. М. Шлей писал великому князю о том, что «в знатных домах, а также между дамами предвидится некое движение»⁷. В мае 1830 г. он доносил, что в варшавских салонах активно обсуждают возможное объединение Царства Польского с Великим княжеством Познанским. В целом, как заключила Светлана Михайловна Фалькович (1932–2018), агентурная информация достаточно верно отражала настроения и политическую позицию польского общества⁸.

Примером национальной консолидации можно считать солидарность, проявленную варшавянами на похоронах значимых для эпохи личностей. Так, в «крупнейшую в Варшаве патриотическую манифестацию 1820-х годов»⁹ вылились в марте 1829 г. похороны Петра Белинского, председателя Сеймового суда, сохранившего его независимость во время процесса по делу Патриотического общества. Как вспоминал Фридерик Скарбек (1792–1866), «несмотря на ненастное время года, окна всех домов, выходящих на улицу, были открыты и полны публикой всех сословий»¹⁰. Люди массово вышли на улицу. Гроб, накануне выставленный для прощания, переносили в костел члены польского Сената, студенты же по собственной инициативе строго следили за порядком. Они не пустили в храм полицейских,

⁶ См., например: Karpińska 1985; Фалькович 2005; Wincenciuk 2012.

⁷ Цит. по: Фалькович 2010: 401.

⁸ Там же: 406.

⁹ Kowalczykova 1987: 63.

¹⁰ *Skarbek F. Pamiętniki Fryderyka hrabiego Skarbka. Poznań, 1878. S. 223.*

сбросив их с лестницы и тем самым открыв туда дорогу для всех желающих.

Подобное имело место и в январе 1826 г., когда хоронили выдающегося польского философа и государственного деятеля Станислава Сташица (1755–1826). В холодный зимний день студенты университета сами несли его гроб к месту захоронения на окраину города. В этот день, по словам современника, все магазины в Варшаве были закрыты. Те же студенты, напротив, специально вели себя неподобающим образом во время траурной процессии в память о почившем императоре и короле польском Александре I (апрель 1826 г.). Они были неряшливо одеты и нарочно создавали толчею, что должно было свидетельствовать об их протестных настроениях. Явное неуважение было проявлено и к памяти наместника Царства Польского Юзефа Зайончека (1752–1826), непопулярного среди поляков из-за излишнего угодничества по отношению к представителям российской власти. Его похороны в 1826 г. были фактически бойкотированы. Юлиан Урсын Немцевич (1758–1841) вспоминал, что члены правительства по приказу великого князя шли за гробом вплоть до границ Варшавы, более же никто гроб не сопровождал:

Прекрасный гроб, прогибающийся под золотом катафалк, грохот барабанов, труб, пальба орудий и ружей, все было там, кроме слез благодарности и сожаления. По дороге (его везли в его имение, в Опатувек) в городах и деревнях, и даже в самом Калише никто не пошел ни перед телом, ни за телом¹¹.

Если студенческое, молодежное движение, его тайные формы, радикальные идеи, основанные на резко отрицательном отношении к присутствию представителей российской верховной власти и армии в Царстве Польском, изучены лучше и более известны, как предыстория национально-освободительного восстания 1830 г., то по отношению к светскому обществу этого сказать нельзя. Светская жизнь, казалось бы, должна была быть наиболее конформистской формой общения, связанной с присутствием в Польше русских. Отчасти это действительно было так, поскольку именно ее формы давали возможность надолго поселившимся там русским офицерам

¹¹ *Niemcewicz J. U. Dziennik z lat 1820–1828 / wybór i opracowanie I. Rusinowa, A. Krupa. Warszawa: ASPRA-JR, 2012. S. 233.*

вживаться в национальную среду, заводить знакомства и даже заключать браки¹². С другой стороны, эти же формы, основанные на определенных правилах, позволяли «хозяевам», манипулируя этикетом, выражать «гостям» оппозиционные настроения, нежелание общаться и недовольство происходящим в политической жизни.

Понятие «светское общество» несколько различно для России и Польши первых десятилетий XIX в. В российском контексте с ним прежде всего ассоциируется «высший свет», а значит, аристократия, причем придворная. Говоря о Польше, также имеется в виду прежде всего аристократия, однако необходимо учитывать, что придворная иерархия не играла подобной роли в структуре общества, где отсутствовала табель о рангах. Кроме того, салоны, будучи «создающим общественное мнение собранием людей из высших слоев общества, оказывающим влияние на его культурную жизнь»¹³, разнятся по социальному составу: наряду с аристократическими существовали и литературные, где задавала тон творческая интеллигенция. При этом, как утверждают польские литературоведы, трудно провести границу между просто салоном и салоном литературным¹⁴. Таким образом, понятие «светское общество» трудно поддается определению через социальные параметры. Недаром Д. А. Сдвижков определил понятие *beau monde* применительно к России как «не привязанный к политическому содержанию и идеальным ценностям регулятор индивидуального поведения», ссылаясь при этом на высказывание В. А. Жуковского:

Слово: *большой свет* означает круг людей отборных — не скажу лучших, — превосходных пред другими состоянием, образованностью, саном, происхождением; <...> где существует общее мнение <...>, где происходит оценка добродетелей и талантов¹⁵.

В связи с этим мы сосредоточимся не столько на «светском обществе», сколько на «светской жизни» как на форме культурной организации жизни образованных людей. Нас интересуют формы протестного поведения и демонстрации национального единения, связанные с нормами светской жизни в Польше первой трети XIX в. Углубляясь

¹² Подробнее см.: Филатова 2010.

¹³ Kowalczykowa 2002: 854.

¹⁴ Kowalczykowa 1987: 74.

¹⁵ Цит. по: Сдвижков 2012: 396.

в эту тему, мы рассмотрим, как складывалось общение русских и поляков в рамках светской жизни конституционного Царства Польского. Источниками служат, в первую очередь, дневники и мемуары, а также сатирическая литература, направленная против совместных с русскими увеселений. Документы эпохи и исторические исследования в данной области мы сравним с картиной, созданной в польской художественной литературе эпохи романтизма.

Безусловно, необходимо иметь в виду изменение политической ситуации в Царстве Польском на протяжении его существования. Историки, начиная с историографов — современников эпохи, традиционно выделяют в истории конституционного Царства Польского несколько периодов. Это время подъема и энтузиазма, с которым польские элиты вступили на путь строительства нового государства («воскрешенной Польши», как писали тогда о Царстве Польском), продолжавшееся до 1820 г. Ключевыми моментами здесь стали само образование Царства Польского в 1815 г. и наделение его конституцией, а также преддверие этого события, когда уже в 1814 г. начала проводиться политика примирения поляков и русских. Кульминацией дружественных настроений стал сейм 1818 г., на котором Александр I выступил со знаменитой речью, содержащей как декларацию либеральных принципов, так и обещания распространить конституционные учреждения на другие земли бывшей Речи Посполитой, входившие в состав Российской империи. Период с 1820 по 1825 г. польский историк Вацлав Токаж (1873–1937) определил как «крах надежд на польско-российское сосуществование»¹⁶, что связано с выступлением либеральной оппозиции на сейме 1820 г., ее последующим разгромом и дальнейшим реакционным курсом правительства. 1825–1830 гг. были ознаменованы восшествием на трон нового монарха: Николай I, хотя и соблюдал конституционную хартию, не разделял полонофильства брата. Центральными событиями этого периода стали раскрытие деятельности Патриотического общества и коронация Николая I как польского короля в 1829 г., с которой польское общество связывало определенные надежды.

Влияние политического фактора на жизнь светского общества не вызывает сомнений. Тем более, на наш взгляд, интересно рассмотреть общение русских и поляков еще и под другим углом

¹⁶ Tokarz 1931: 108–113.

зрения — в контексте повседневного, привычного для образованного общества времяпрепровождения. Этот ракурс недостаточно изучен, однако чрезвычайно важен для воссоздания реальной картины сосуществования поляков и русских в специфический для XIX в. период для России и Польши. Именно наличие этой картины позволяет — освободившись от стереотипов и преувеличений — прояснить реальную значимость и масштабы протестного поведения в светских кругах.

Сегодня уже можно открыто говорить о том, что на общественную жизнь конституционного Царства Польского как литературоведы, так и историки долгое время смотрели глазами польских поэтов-романтиков (в первую очередь, Адама Мицкевича) и следующих романтическому канону историографов и политически ангажированных мемуаристов. Все они оценивали этот достаточно специфический период польской истории с ретроспективной точки зрения, то есть сквозь призму восстания 1830–1831 гг.¹⁷ В III части своей романтической поэмы «Дзяды» (1832) Мицкевич, по сути, создал памфлет на варшавское общество начала 1820-х годов, заклеймив его общественную пассивность, господствующий в нем карьеризм, угодничество и сервиллизм по отношению к власти. Созданный им образ надолго стал определяющим в восприятии рассматриваемой эпохи и ее главных действующих лиц. Но насколько он соответствовал действительности?

Согласно Ю. М. Лотману (1922–1993), структурообразующими элементами русской культуры в XIX в. являлись бал и парад (ученый писал о «строгом ритуале, приближавшем бал к параду»)¹⁸. Может быть, это интуитивно понимал Мицкевич, именно поэтому и бал, и парад так важны для мицкевичевского видения имперской России в «Дзядях». Безусловно, что в русской культуре первой трети XIX в. наиболее значима была функция бала как придворного, торжественного церемониала. Именно эта особенность повлияла на восприятие специфики русского бала поляками — он рассматривался как часть официоза, придворной, имперской культуры. Болеслав Олексович писал о дополнительном значении, которое приобрели в польском сознании балы, даваемые властями в Царстве Польском.

¹⁷ Филатова 2007; Jarosińska 2014.

¹⁸ Лотман 2020: 68. См. также: Марченко 2005: 32.

Принудительное присутствие на них воспринималось как «форма политической репрессии»¹⁹.

Правда, следует подчеркнуть, что такое отношение сложилось уже тогда, когда, по словам Наталии Кицкой (1801–1888), «после взятия Варшавы князь Паскевич заглушал стоны поляков, устраивая в замке шумные балы». Мемуаристка, пережившая восстание 1830–1831 гг., с позиции этого исторического опыта оценивала и предыдущие события. Так, с некоторым неудовольствием вспоминая о светском церемониале, приуроченном к коронации Николая I в Варшаве в 1829 г., Кицкая заметила: «Слово двор звучит как фальшивый аккорд в ушах полек, они чувствуют в себе врожденное влечение к республике»²⁰. Она писала о трудностях взаимопонимания, связанных с разницей менталитета и политических традиций: «Крепким орешком для тех, кто с точки зрения российских понятий составлял коронационный церемониал, было то, что в Польше не существовало рангов». Ее, как и других польских великосветских дам, готовившихся быть представленными Николаю I по специально разработанному ритуалу, коробило чинопочитание, ибо «в Польше каждый считает себя равным с самым титулованным сановником». Она вспоминала о подготовке к церемонии: «Много было смеха, пока мы не научились всерьез играть всю эту придворную комедию, называвшуюся церемониалом». Участие в придворном приеме Кицкая назвала «отбытой барщиной»²¹.

Знаменательно, что белые атласные шлейфы, которые дамы надевали на придворные балы во время последнего сейма, возникли на страницах ее воспоминаний уже в связи с Ноябрьским восстанием. Тогда эта деталь туалета нашла более достойное, по мнению Кицкой, применение: из придворного платья она вместе с сестрой и служанками смастерила для офицеров национальные кокарды.

В то же время рассуждения Лотмана о бале как о важнейшей форме светской жизни, за некоторыми исключениями, можно распространить и на Европу в XIX в. в целом:

Бал оказывался, с одной стороны, сферой, противоположной службе — областью непринужденного общения, светского отдыха, местом,

¹⁹ Oleksowicz 2008: 17.

²⁰ *Kicka N. Pamiętniki* / oprac. J. Dutkiewicz, T. Szafrński. Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX, 1972. S. 159.

²¹ *Ibidem*. S.166–167.

где границы служебной иерархии ослаблялись. <...> С другой стороны, бал был областью общественного представительства, формой социальной организации, одной из немногих форм дозволенного в России той поры коллективного быта. В этом смысле светская жизнь получала ценность общественного дела²².

В Царстве Польском балы также служили общественному делу. Обычно официальные лица давали их в связи с приездами императоров, открытием и закрытием заседаний сейма, а также празднованием дней рождений и именин монархов и членов правящего дома, годовщин их восшествия на престол. Бал мог давать и сам император, официально именованный польским королем: во время его пребывания в Варшаве бал или торжественный обед устраивались в Королевском замке. Атмосферу, царившую в варшавском обществе на пике либеральной политики императора, характеризует письмо Петра Андреевича Вяземского (1792–1878), служившего в 1818–1820 гг. в канцелярии Новосильцева, от 15 апреля 1818 г.:

Сегодня закрытие сейма, на котором государь произнес речь <...>; сверх того, во дворце сегодня обед на 200 человек; сверх того, у Новосильцева пир на весь мир, и первый, на коем государь будет по приезде своем в Варшаву <...>; сейчас сяду обедать и лягу спать до бала, потому что эти два дня не спал я более пяти часов²³.

Светская жизнь, с ее универсальным этикетом и «языком» танца, в то время сближала: едва приехав в Варшаву, тот же Вяземский, прежде чем охарактеризовать польское общество, просил своего корреспондента дать ему оглядеться и «повальсировать». Светские мероприятия приравнивались тогда к другим официальным, которыми отмечались праздники — в том числе мессам в кафедральном соборе св. Яна, на которых присутствовали и поляки, и русские. Так, например, одна из центральных газет сообщала, что по случаю прибытия императора и сейма 1820 г. состоялись балы у С. Потоцкого, председателя Сената, а также у наместника Ю. Зайончека, Н. Н. Новосильцева и сенатора-воеводы Станислава Замоиского (1775–1856)²⁴. Немцевич в связи с этим фиксировал в дневнике, что после окончания

²² Лотман 2020: 67.

²³ *Вяземский П. А.* Из писем князя П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову // Русский Архив. 1879. № 4. С. 506.

²⁴ *Gazeta Warszawska.* 1820. 14 X. № 137.

заседаний сейма Раймунд Рембелинский (1775–1841), выполнявший в 1820 г. обязанности его маршала, дал два обеда и «угрожает нам еще двумя большими и двумя малыми балами. Наместник же дал свой в день королевских именин. За два года меня первый раз на него пригласили. Из любопытства я пошел»²⁵. Одновременно тот же Немцевич сообщил о вопиющей бестактности Новосильцева, который, пригласив всех депутатов на бал в честь сейма, на другой день просил некоторых из них, отличившихся оппозиционным поведением, вернуть пригласительные билеты. Из этого вышел скандал, который автор записок прокомментировал так: «На всем свете один только москаль мог поступить так по-варварски»²⁶.

Бал был местом общения власти с обществом, кулуарным продолжением политической жизни. Он же являлся местом саморепрезентации монарха. Политики живо обсуждали то, что Александр I говорил дамам на балах. Разговоры с прекрасным полом о своих польских планах входили в его манеру поведения. Именно бал сыграл решающую роль в судьбе великого князя Константина Павловича. Его будущая супруга Иоанна Грудзинская (1795–1831), по единодушному мнению мемуаристов, была особенно пленительна своей грациозностью в танцах.

В 1825 г., когда для польского общества было важно вернуть расположение Александра I, пошатнувшееся после выступления либеральной оппозиции на сейме 1820 г., обе палаты сейма и Государственный совет дали бал в честь императора в зале Национального театра. Для этого партер сравнивали со сценой. О пышности и многолюдности бала (более двух тысяч человек, не считая занимавших ложи дам) писала 11 июня *Gazeta Warszawska* («Варшавская газета»).

Кроме официальных, а также публичных балов, на которых могли присутствовать в том числе и русские (например, в купеческом собрании), имели место и закрытые, приватные вечера, на которые требовалось приглашение. Некоторые салоны были открыты для наших офицеров, в некоторых — их присутствие было нежелательным. По долгу службы, например, должен был приглашать русских наместник Ю. Зайончек. Собирались они и в доме А. Бронца, гофмаршала императорско-королевского двора и отчима И. Грудзиньской. Среди

²⁵ *Niemcewicz J. U. Dziennik*. S. 67.

²⁶ *Ibidem*. S. 81.

наиболее известных принадлежавших польской аристократии домов (прежде всего, связанных с «пулавской» партией и фамилией Чарторьских) современники называют те, в которых по случаю приезда императора или других Романовых устраивались наполовину официальные балы со смешанным обществом. С другой стороны, упоминаются и такие дома, которые были для русских *terra incognita*. Последнее говорит о латентном сопротивлении политике сближения двух народов.

Устраивали вечера и сами представители русской диаспоры. Даже ставший впоследствии ненавидимым в Польше Н.Н. Новосильцев, по словам Каэтана Козьмяна (1771–1856), относящимся к 1820 г.:

[Н]аходясь на пике доверия императора и значения среди поляков, охотно окружал себя польскими патриотами, со свойственными ему учтивостью и предупредительностью приглашал на частые и роскошные пиры, где в доверительных беседах демонстрировал явное желание расположить к себе польские умы²⁷.

Он также писал, что «если кто из русских и относился к нам благожелательно и дружелюбно, то это, без сомнения, Новосильцев»²⁸. А вот как характеризовал гостеприимство Новосильцева его подчиненный П. А. Вяземский:

Приятнейшие вечера здесь у Новосильцева. Дом его, если не лучший, то по крайней мере из лучших и просторнейших в городе; к тому же все устроено барскою Русскою рукой²⁹.

Анна Потоцкая (1779–1867) вспоминала, что в первое время пребывания в Варшаве Новосильцев часто бывал у нее, желая, по-видимому, узнать, о чем думало и говорило собиравшееся там общество. Она призналась, что, как и многие, «в продолжение нескольких месяцев находилась под его чарующим влиянием и верила, что он предан нашим интересам»³⁰. Лишь впоследствии назрел конфликт Но-

²⁷ *Koźmian K.* Pamiętniki. Wrocław; Warszawa; Kraków: Ossolineum, 1972. Т. 3. S. 101.

²⁸ *Ibidem.* S. 96.

²⁹ Письмо А. Я. Булгакову из Варшавы от 1 апреля 1818 г. // *Вяземский П. А.* Из писем князя. С. 504.

³⁰ *Потоцкая А.* Мемуары. 1794–1820. М.: Кучково поле, 2005. С. 238.

восильцева с польским обществом, подогревавшийся обоюдно и имевший как политические, так и психологические причины. Как писал К. Козьмян:

Он охладел к польским компаниям, стал мало с ними общаться. Вечера проводил у себя в кругу скорее русском, чем польском, утешаясь от нелюбви прекрасного пола с немолодой и некрасивой русской, женой генерала N.N., а часто с какой-нибудь актрисой, и почти всегда с выстрелами откупориваемого шампанского или ароматом то-кайского³¹.

Отторжение вызывали как его алкоголизм, так и чересчур свободное, если не сказать прямо — распутное поведение, закрывавшее его дом для добропорядочной публики.

Своеобразным было вживание в польское общество великого князя Константина Павловича. Ф. Скарбек считал:

Варшавское общество главным образом потому сохранило польские обычаи и не переняло русских, что великий князь Константин не держал княжеского двора, не принимал в своем доме дам, а все из-за того, что не жил со своей женой, а имел подругу-французенку <...>. Эта женщина не злоупотребляла своим положением <...>, не навязывалась никому из польского общества³².

Но и впоследствии, прекрасно овладев польским языком, женившись в 1820 г. на польке И. Грудзиньской, получившей титул княгини Лович, он, казалось бы, мог стать своим для польского общества. Константин Павлович был окружен польским генералитетом, адъютантами, принимал у себя родственников и близких жены и даже стремился окружить воспитывавшегося при нем внебрачного сына Павла (1808–1857) польскими сверстниками. Однако деспотизм, необузданный нрав, экстравагантные выходки, а порой и явное нарушение светских приличий, описываемое мемуаристами, не могли не отратить от него поляков.

К тому же он вел достаточно замкнутый образ жизни, посвятив себя всецело организации и обучению армии. Губернер его сына француз граф Мориолль писал, что на протяжении

³¹ *Koźmian K. Pamiętniki. T. 3. S.102.*

³² *Skarbek F. Pamiętniki. S.121.*

четыренадцать лет, которые он провел на службе у великого князя, последний ни разу не устроил бала, вечера или торжественного обеда³³. Если Константин Павлович и давал званые завтраки или обеды, то в основном для офицеров русской гвардии. В начале 1830 г. он жаловался Федору Петровичу Опочинину (1779–1852):

Меня, старика, с женою выгнали на два бала, и кажется, предстоит еще два. Стараются, чтоб я дал пару, но на это я слишком глуп и неловок³⁴.

Высшие офицеры, генералы бывали приняты в лучших варшавских салонах и порой завоевывали расположение общества. Например, согласно сообщению родственника княгини Лович Клеменса Колачковского, таким расположением пользовались генералы Григорий Андреевич Феньш (1789–1867) и Петр Николаевич Дьяков (1788–1860), генерал-майор граф Федор Карлович Нессельроде (1786–1868), русские адъютанты великого князя полковник Лев Иванович Киль (1789–1851) и корнет Сергей Дмитриевич Безобразов (1801–1879).

Ф. К. Нессельроде, родственника российского министра иностранных дел, и П. Н. Дьякова «считали людьми безупречного характера, хорошо воспитанными, лишенными всякой низости и заслуживающими доверия»³⁵. Как вспоминал Колачковский, оба генерала «обладали незаурядными музыкальными способностями. Нессельроде превосходно играл на фортепьяно, Дьяков хорошо пел французские романсы и русские думки». С. Д. Безобразов имел репутацию отличного танцора и пользовался большим успехом у варшавских дам.

Полковник Киль, лифляндец, был веселый, приятный сотоварищ, которого в мужских кружках все любили за его веселый нрав и замечательную способность к карикатурам, в которых он был действительно большой мастер³⁶.

³³ *Moriolles A.* Pamiętniki hrabiego de Moriolles. O emigracji, Polsce i dworze wielkiego księcia Konstantego (1789–1833). Warszawa: A. T. Jezierski, 1902. S. 158.

³⁴ Цит. по: Карнович 1899: 130.

³⁵ *Kolaczowski K.* Wspomnienia. Księga III. Od roku 1820 do 1830. Kraków: Spółka Wydawnicza Polska, 1900. S. 56–58.

³⁶ *Ibidem.* S. 56–57.

В лучших варшавских домах бывал П. О. Моренгейм, женившийся впоследствии на дочери министра внутренних дел Тадеуша Моствовского (1766–1842).

Между прочим, П. Н. Дьякова с благодарностью упоминал Фридерик Шопен, из переписки которого известно, что русский генерал как-то раз одолжил юному гению для концерта свой рояль. Фигурировал в письмах Шопена также С. Д. Безобразов, певший на приватном вечере дуэтом с Констанцией Гладковской (1810–1889), первым серьезным увлечением Шопена.

В целом русская колония держалась особняком. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие в польских мемуарах описаний вечеров в русских домах. Так, К. Колачковский, вспоминая, что генералы Борис Христофорович Рихтер (1780–1832), Михаил Иванович Левицкий (1761–1831), Владимир Карлович Кнорринг (1784–1864) принимали у себя, замечал: «не имея обязанности, я никогда у них не был»³⁷. Дурной репутацией у поляков пользовался державший блестящий салон генерал Александр Андреевич Жандр (1780–1830), ставший впоследствии одной из первых жертв восстания 1830 г.: он был убит в ночь на 30 ноября. Русские генералы проводили много времени в своей среде за игрой в карты. Немного иначе ситуация запечатлелась в памяти Ф. Скарбека, который писал, что российские высшие офицеры и чиновники по большей части «не держали домов, открытых для польского общества», потому что или не были женаты, или же не жили со своими женами и потому не имели хозяек дома, которые бы могли принимать польских дам, «столь требовательных в том, что касалось приличий и образа мыслей хозяев дома»³⁸.

О многом историку может рассказать специфический жанр нравственно-политической сатиры, а именно — памфлеты, направленные против поведения польских женщин в драматичных для страны исторических моментах. Эти тексты, иногда сочиненные спонтанно, ходили по рукам в списках, фигурировали в корреспонденции, дневниках и мемуарах. За ними просматривается культурное явление — один из видов контроля над нравственным состоянием общества, связанного с «закодированной в тогдашнем общественном

³⁷ Ibidem. S. 34.

³⁸ *Skarbek F. Pamiętniki*. S. 121.

мнении патриотической этикой»³⁹. Данные тексты интересны постольку, поскольку они тесно связаны с преддверием образования Царства Польского и возникновением прорусской ориентации в обществе, а также с атмосферой 1826–1828 гг.

Первые памфлеты, направленные против полек, веселящихся на балах в тяжелое для Польши время, датируются 1772 г., однако тогда речь шла лишь о неуместности развлечений как таковых. Ученые прослеживают историю этого жанра вплоть до 1832 г., приводя обширные материалы из истории Варшавы времен генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича, сначала подавившего восстание, а затем ставшего наместником Царства Польского. Из их наблюдений и анализируемых текстов явствует, что объектом наиболее острой сатиры были совместные развлечения и романы с иностранными завоевателями — преимущественно русскими — во времена явного противостояния, то есть тогда, когда русский идентифицировался с врагом и оккупантом. Так было в 1792–1796 гг., во времена Тарговицкой конфедерации и разделов Польши. Подобное повторилось и в Варшаве Паскевича. Тогда танцы и флирт с оккупантами однозначно квалифицировались как «предательство». Именно после подавления Ноябрьского восстания поляков, уже в конце 1831 г., когда русские власти, в том числе военный губернатор столицы И. О. Витт, стремились создать иллюзию примирения поляков и русских, появились ядовитые стихи. Наиболее известные, «Полькам, танцующим с неприятелями отчизны», в частности, привела в «Воспоминаниях» Н. Кицкая. По ее словам, после первых же балов, которые давались в замке, по Варшаве стали кружить стихи анонимного автора. В них были такие строки:

Танцуйте, польки, время танцевать
С героями Ошмян, Варшавы;
Зачем грустить, зачем страдать?
У нас балы, у нас забавы.

³⁹ Kaleta 1993: 33. Данная тема привлекла внимание польских литературоведов в 1990-е годы. Она была представлена в историко-культурном освещении В. Гомулицким, см.: Gomulicki 1992. Сами тексты конца XVIII — первой трети XIX в. были выявлены и систематизированы Р. Калетой, публикация которого вышла посмертно и была прокомментирована Э. Александровской, см.: Kaleta 1993. Последняя затем ввела собранные материалы в контекст понятия «национальное предательство»: Aleksandrowska 1995.

Но помните: на ручках ваших,
Которые берут в объятья
Мундиры с пятнами от крови павших,
Останется кровь ваших братьев⁴⁰.

В стихотворении «К полякам, танцующим в Варшаве на балу, данном генералом Виттом в феврале 1832 г.» их русские кавалеры названы «героями тирана», «прислужниками Севера, руки которых обагрены кровью соплеменников». Наиболее же острой и уничижающей была сатира под названием «Публичные торги женщин в Варшаве», клеймящая позором «продавшихся» русским высокопоставленных полек — прежде первых дам конституционного Царства Польского.

Что касается 1813 г., когда был написан памфлет К. Козьмяна «Танцующему Кракову», ситуация была совершенно иной. В это время уже закончился крахом наполеоновский поход на Москву, и пророссийская ориентация вновь оказалась актуальной. В Варшаве, занятой русскими, уже был создан Временный верховный совет Герцогства Варшавского под председательством варшавского губернатора В. С. Ланского. Веселье же имело место в Кракове, где сохранялось польское правительство под руководством французского посланника Луи Биньона (1771–1841). Вот как описывал тогдашнюю атмосферу во второй столице сам автор памфлета:

Ежедневные обеды, катания на саниах, кавалькады, вечера, балы, танцы, все это отзывалось горестным чувством в сердцах серьезных людей при виде с городских валов казачьих дозоров и пик, находящихся почти в миле от Кракова⁴¹.

В своем сатирическом произведении Козьмян выступил против развлечений как таковых, в которых в неподходящее время участвовали уважаемые люди, польские офицеры, почтенные польские матроны со своими дочерьми и внучками:

⁴⁰ Цит. по изданию: Война женскими глазами. Русская и польская аристократки о польском восстании 1830–1831 гг. / сост., вступ. статья В. М. Боковой, Н. М. Филатовой. М.: НЛО, 2005. С. 286. Перевод глав из «Воспоминаний» Н. Кицкой, в том числе процитированного стихотворения — мой.

⁴¹ *Koźmian K. Pamiętniki*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1972. Т. 2. S. 236.

W ponurych twoich oczach ojczyzna	В твоих печальных глазах отчизна
już kona,	уже умирает,
My się cieszym, że wkrótce będzie	Мы же рады, что вскоре она оживет.
ożywiona. <...>	<...>
Chwała tobie, narodzie, iż innej nagany	Слава тебе, народ, что иного упрека
Nie zdołają-ć uczynić surowe	Не могут предъявить тебе суровые
Spartany ⁴³ .	спартанцы.

А это выдержка из стихотворения «Несколько слов в защиту Кракова» (автор неизвестен):

Tak powinien się bawić i tańcować	Так должен веселиться и танцевать
Kraków!	Краков!
Sprzeczność losu nie zmieni	Противоречия судьбы не изменят
humoru Polaków,	настроений поляков,
Myśl wesola wśród nieszczęść	Веселые помыслы среди несчастий
snocie towarzyszy.	сродни добродетели.
Niech nieprzyjaciel głosu narzekań	Пусть неприятель не слышит наших
nie słyszy <...>.	жалоб <...>.
Wyprzedzą nas z Krakowa,	Выгонят нас из Кракова, станцуюм на
tańcujmy na moście.	мосту.
A jeśliby i tutaj czart przyniósł	А если и туда черт принесет москалей,
Moskali,	Пойдем плясать в Величку, в подземный
Pójdziem skakać w Wielicze na	зал.
podziemnej sali ⁴⁴ .	

Гораздо большему осуждению подверглись светские дамы, разделявшие увеселения с русскими во время следствия и суда по делу Патриотического общества. В 1826–1829 гг. история с Сеймовым судом вышла в обществе на первый план, заслонила собой все остальное, что происходило в это время в Царстве Польском. Болезненно было воспринято создание следственной комиссии с участием «русских генералов», приезд «российских сенаторов» для вмешательства в деятельность польского конституционного органа. Напряженно проходили традиционные зимние сезоны балов (карнавалы) в 1827 и 1828 гг.⁴⁵ Средством выражения солидарности с узниками и протеста против происходящего стали бойкоты совместных с русскими светских мероприятий. Ф. Скарбек писал в труде по истории Царства Польского:

⁴³ Цит. по: *Kaleta R.S.* 53.

⁴⁴ *Ibidem.* S. 53–54.

⁴⁵ *Карнавал*, или *мясопуст* — в католической традиции период, предшествующий Великому посту, аналог православной Масленицы.

Уже зимой 1827 г. было глухо и мрачно в Варшаве. Весь карнавал проходил без развлечений, а траур по царю Александру был предложено закрыть польских домов, которые обычно собирали многочисленное общество и желающую потанцевать молодежь⁴⁶.

Т. Липиньский в январе 1828 г. отметил:

Карнавал, кажется, будет мрачным. Обычно каждую субботу бывает танцевальный вечер в собрании; но из-за теперешних обстоятельств должен был быть перерыв, узнав о чем, полиция послала в комитет собрания настоятельное требование, чтобы перерыва в развлечении не было. Несмотря на это, мало кто хотел в этот день танцевать⁴⁷.

Это подтверждают и мемуары Ф. Скарбека, вспоминавшего о не-веселом течении карнавала в Варшаве 1828 г. и неудаче традиционного новогоднего бала в купеческом собрании:

Все польские дома были закрыты и принимали только друзей и близких, не допуская, чтобы те развлекались танцами⁴⁸.

Вспоминал мемуарист и об общественном порицании тех полек, которые посещали в это время русские дома. Именно по этому поводу было написано получившее широкое распространение стихотворение «Варшавским дамам во время Сеймового суда». Оно содержало следующие строки:

Właśnie ostatni z Polaków Męczeńskiej palmy czekają, Niech więc wał skocznych orszaków Z oprawców łączy się zgrają. <...>	Последние из поляков Как раз в ожидании мучений, Так пусть хороводы веселящихся Объединяются с шайкой палачей. <...>
Lecz spoty Rzymu zwycięża Twój przykład, szanowna żono, Co w czasie niewoli męża Bawisz generałów grono. <...>	Превосходит «добродетели» Рима, Твой пример, благородная жена, Которая в час неволи мужа Забавляет общество генералов. <...>
Zacnych matek wychowanki, By twojej wyrównać sławie	Воспитанницы почтенных матерей, Чтобы сравняться с твоей славой,

⁴⁶ Skarbek 1877: 251.

⁴⁷ Lipiński T. Zapiski z lat 1825–1831 / oprac. K. Bartoszewicz. Kraków: Nakł. K. Bartoszewicza; Drukarnia A. Koziańskiego, 1883. S. 81–82.

⁴⁸ Skarbek F. Pamiętniki. S. 137.

Dowiodą, nowe Spartanki,
 Że nie ma Polek w Warszawie⁴⁹.

Докажут, как новые спартанки,
 Что нет больше полек в Варшаве.

Главным адресатом стихов была Амелия Залуская (1804–1896), жена находящегося в это время в заключении полковника Романа Залуского (1793–1865). Ее «проступок» объяснялся тем, что она была воспитанницей хозяина популярного тогда салона генерала В. Красиньского и в это время жила в его дворце. Однако участие в «развлечении генералов» посчитали для нее недопустимым. В этих стихах отношение к русским явно более враждебное, но при этом связано с актуальными политическими событиями. Партнеры полек по танцам — это «шайка палачей», «лишители свобод», «общество генералов». На сатиру был написан ответ от имени «танцующих дам» в достаточно шуточной форме, что свидетельствовало о стремлении сгладить конфликт. Танцующие оправдывали свою снисходительность к русским гостям тем, что «пляшут со злости», желая «затанцевать врагов». Однако при этом они сохраняют уверенность, что «пока правит польский Сенат, польки еще могут танцевать»⁵⁰.

Таким образом, с одной стороны, подобная нравственно-политическая сатира была прочно укоренена в гражданской и политической традиции. По свидетельствам современников, она быстро распространялась по Варшаве, сопровождаясь рисованными карикатурами. С другой же стороны, очевидно, что ее антирусский пафос зависел от конкретной ситуации.

Немаловажную роль в 1826–1828 гг. играли и манипуляции трауром. Ф. Скарбек отметил, что в конце 1825 г. внешний вид варшавского общества изменился. Использование кода одежды для выражения сочувствия и солидарности в связи с арестом польских патриотов было завуалировано трауром по скончавшемуся Александру I. Траур был даже официально предписан. В частности, *Gazeta Warszawska* от 13 января 1826 г. сообщила о том, кому какую одежду полагается носить. Дамам было предписано носить «русское платье». Так, столица оделась в черное во исполнение одновременно официального и гражданского долга: «траур продлился дольше, чем это было предписано двором, потому что под его видом еще долго одевались в черное

⁴⁹ Цит. по: *Kaleta R. S.* 58–59.

⁵⁰ *Ibidem.* S. 60–61.

в знак скорби по находящимся под судом обвиняемым»⁵¹. Мемуарист вспоминал также о том, что во время похорон П. Белинского большинство окон в Варшаве были обрамлены в траур и из них выглядели женщины, одетые в черное⁵².

Разделение вносило и то, что поляки и русские жили по разным церковным календарям, и, соответственно, время карнавала (масленицы) и поста, когда увеселения возбранились, у них различалось. Впрочем, в разгар дружественных настроений это особо не мешало общению. Вскоре после приезда в Варшаву 1 апреля 1818 г. П. А. Вяземский сообщил в частном письме:

Я уже несколько раз танцевал: наш пост мешает балам, но сзывает на вечера; придет скрипка, другая, и пойдет потеха. Даже и Великие Князя вальсируют. Государь ездит по обедам, но на вечера до праздника ездить отказался. В светлый Вторник, кажется, и у него бал⁵³.

В 1828 г., датируя запись 7 января, Немцевич с неудовольствием заметил:

Все новогодние торжества устраиваются не по нашему, а по московскому календарю. Даже княгиня Лович отеклась от нас, когда ее хотели поздравлять с нашим Новым годом, она отложила это до греческого календаря. В канун этого дня генерал Рихтер устроил бал, на котором показали Великий князь и его жена, и более того, были в прекрасном настроении, приглашали всех веселиться и развлекаться почти до трех часов ночи. Из полек были только жены наших генералов. Другие не хотели развлекаться, пока их соотечественники остаются в руках палачей⁵⁴.

В частности, помощник Новосильцева Л. С. Байков ежедневно в дневнике (1826–1829) скрупулезно отмечал все свои визиты и контакты (издавший его А. Краусхар вынужден был сделать в нем купюры, чтобы не оскорбить общественную нравственность). Чаще всего упоминались карточные вечера у генерала М. И. Левицкого, обеды у «сенатора», то есть Новосильцева, посещения дома Альбрехтов, генерала А. А. Жандра, а также вечера во французском театре или домашние музицирования с участием итальянских артистов. Вот

⁵¹ *Skarbek F.* Pamiętniki. S. 129–130.

⁵² *Ibidem.* S. 139.

⁵³ *Вяземский П. А.* Из писем князя. С. 504.

⁵⁴ *Niemcewicz J. U.* Dziennik. S. 275.

некоторые выдержки⁵⁵, относящиеся как раз к интересующему нас периоду и свидетельствующие об относительной изоляции русского общества в Варшаве.

- [13 сентября 1827 г.] Приехали российские сенаторы, контролирующие деятельность правительства. <...> Зашел к Альбрехтам, но не застал их дома. Обедали у Винцентия Красиньского.
- [14 сентября 1827 г.] Обедал у сенатора, а вечер провел у Альбрехтов, где познакомился с австрийским консулом *Provojsjt* и французским *Durand*.
- [15 сентября 1827 г.] Сенатор сегодня напился до беспамьятства на вечере у Засса.
- [18 сентября 1827 г.] Находящиеся здесь российские сенаторы не лучшим образом себя зарекомендовали.
- [23 сентября 1827 г.] Вечером был на танцах у Жандров. Скандализовало поведение хозяина, который на балу посвистывал как извозчик.
- [12 октября 1827 г.] Вечер провел в театре. Были и Великий князь с супругой.
- [13 октября 1827 г.] Скучные российские сенаторы были на обеде у Новосильцева.
- [28 октября 1827 г.] Чудесная пьеса в театре: *Vatel*, после которой бал у Левицких.
- [29 октября 1827 г.] Сегодня бал в собрании.
- [25 марта 1828 г.] Пасха. Были на обеде в замке, потом в Брюлевском дворце аудиенция у Великого князя, который со всеми христосовался. В салоне его супруги церемония целования руки. Посетил знакомых, а в обед маршала Бронца.
- [26 марта 1828 г.] Посетил Грабовского и Мостовского. Одев парадный мундир, зашел на обед к Соболевскому, во дворец наместника.
- [28 марта 1828 г.] Сегодня бал у генерала Рихтера. Польские дамы не явились из-за начала Сеймового суда.
- [29 марта 1828 г.] Пешком пошли с Сенатором на площадь Красиньских, где постоянно толпы народу в ожидании прибытия обвиняемых. Вечером в ратуше был концерт *Hummle*. У Альбрехтов вечер. Новосильцев, пьяный вдрызг, сидел с бутылкой грога и бормотал что-то невнятное.
- [11 апреля 1828 г.] На обеде у сенатора был несносный Васильчиков. Вечером был с госпожой Альбрехт в театре.

⁵⁵ [Kraushar A.] Bajkow. Z kartek pamiętnika rękopiśmiennego (1824–1829). Przez Alkara. Wyd. 2, poprawione. Kraków: Druk. W. L. Anczyca i Spółki, 1913. S. 137–178.

В III части романтической поэмы Адама Мицкевича (1798–1855) «Дядя» (1832) тема светской жизни в эпоху конституционного Царства Польского и бала как такового играет ключевую роль. Изображенные поэтом светские рауты имеют место как в Варшаве, так и в Вильно, относящемуся к Российской империи, однако в описываемое время маркированного культурной политикой полонизации и борьбой с ней Н. Н. Новосильцева⁵⁶. В качестве центральной темы избран переломный момент в политической и культурной истории виленских земель (в польском дискурсе земель «отторгнутых» после третьего раздела Польши): 1823–1824 гг., на которые пришлось репрессии Новосильцева против членов тайных студенческих организаций.

Прототипом «варшавского салона», где разворачивается одноименная сцена (сцена VII), считается салон генерала В. Красиньского. Однако его карикатурный образ, направленный на высмеивание лояльных по отношению к власти представителей светского общества, представляется анахроничным, для 1823 г. подобная карикатура явно преждевременна. На это указали и Алина Ковальчикова⁵⁷, и Изабелла Ярославская, отметившая, что А. Мицкевич, который никогда не был в Варшаве, мог узнать правду о том, что представляла собой литературная и светская жизнь конституционного Царства Польского лишь после восстания 1830 г.⁵⁸ Хозяин салона генерал Красиньский в описываемое поэтом-романтиком время еще пользовался популярностью в обществе, его уважали благодаря воинским заслугам как командира легендарного полка шеволежеров (кавалерийского полка наполеоновской гвардии). В начале 1820-х его блестящий салон играл ведущую роль в литературной жизни и был многолюден: там собирались преимущественно классики — постоянно бывали Ю. У. Немцевич, К. Козьян, Людвик Осиньский (1775–1838). Посещало его и молодое поколение литераторов, разделявшее свободолобивые идеи, в частности, Антоний Одынец (1804–1885), Бруно Кичиньский (1797–1844), Константин Гашиньский (1808/1809–1866). Одиозной фигурой отец Зигмунта Красиньского (1812–1859), одного из крупнейших представителей польского романтизма, стал лишь из-за поведения во время Сеймового суда. Но тогда его салон

⁵⁶ Большая часть хорошо известной литературоведам работы историка Хенрика Мосьцицкого (1881–1952) посвящена виленским реалиям, см.: Mościcki 1908.

⁵⁷ Ковальчикова 2013: 203.

⁵⁸ Jarosińska 2014: 149.

опустел, в знак протеста его демонстративно покинул Немцевич, а за ним и другие завсегдатаи.

Мицкевич тем не менее явно делит собравшихся в «варшавском салоне» на две группы — патриотов (беседующих возле дверей по-польски) и конформистов (говорящих по-французски), которые пренебрегают национальным, заняты лишь светской жизнью, необременительной болтовней и далеки от актуальных политических проблем. Для поэта бал, о котором преимущественно разговаривает собравшаяся в салоне группа лоялистов, — это выражение пустоты и поверхностности их интересов. «Несколько крупных чиновников, несколько видных литераторов, несколько великосветских дам, несколько генералов и штаб-офицеров» обсуждают прошедший бал («Так вышел славный бал? Мундиры? Много дам?»), уровень его богатства и пышности («Хоть много было слуг, прислуживали скверно. / Так недоступен был для общества буфет, / Что не достались нам ни вина, ни паштет»). При этом «первая» и «вторая» дамы жалеют о том, что Новосильцев уехал из Варшавы: («Невеселы теперь варшавские забавы: / Ни разу без него не удавался бал, — / Как на картине он гостей группировал»; «Сенатор был лицом, полезным для Варшавы»)⁵⁹.

Варшавский бал для Мицкевича — это, безусловно, выражение не просто падения нравов высшего польского общества, но и тенденции к его русификации. В авторских объяснениях к тексту поэт написал (поясняя картину «Бал», следующую за картиной «Господин Сенатор», из сцены VIII, отражающей виленские реалии):

Правительственное приглашение на бал является в России приказом, особенно если бал дается по случаю дня рождения, именин, бракосочетания и т. д. царя или особ царской фамилии, или же какого-нибудь высшего начальствующего лица. В таких случаях человек, в чем-либо подозреваемый или находящийся на плохом счету, не явившись на бал, подвергает себя серьезной опасности. В России бывали случаи, когда родственники заключенных или осужденных на виселицу появлялись на придворных балах. <...> Затем подобные балы описываются в газетах как свидетельства добровольных изъявлений безграничной любви подданных к наилучшему и благодетельнейшему монарху⁶⁰.

⁵⁹ *Мицкевич А.* Дзяды // Собрание сочинений. М.: Гослитиздат, 1952. Т. 3. С. 193–194.

⁶⁰ Там же. С. 289.

Здесь же в примечаниях поэт посчитал нужным объяснить суть российской Табели о рангах и значение слов «чин», «чиновник», которые, по его словам, употребляются в поэме «в их русском значении, понятном только для литвинов»⁶¹. И далее:

В России, дабы не быть крестьянином или купцом, иначе говоря, чтобы обладать привилегиями, освобождающими от наказания кнутом, нужно поступить на правительственную службу и приобрести так называемый класс или чин (разрядка автора. — *Н. Ф.*). Петр I <...> учредил целый чиновничий институт в истинно китайском духе.

Комментируя сцену, в которой персонаж «советник» пренебрегает обществом «коллежского регистратора»⁶², Мицкевич привел русскую остроуту, гласящую: «Разве чиновник может быть человеком, пока он остается коллежским регистратором? Для того чтобы в России быть человеком, необходимо иметь по крайней мере чин статского советника»⁶³. Табель о рангах воспринималась поэтом как примета «русских понятий», имперского стиля жизни и образа мышления. Особый смысл в связи с этим приобретало наименование персонажей — камергер (*szambelan*), камер-юнкер (*kamerjunker*), церемониймейстер (*mistrz ceremonii*) и ведущиеся в гостиную разговоры об отсутствии в Варшаве королевского двора («А лоск лишь там, где двор: умеет высший свет / Судить о красоте, о вкусе и о славе... / Ах, гибнет Польша — нет у нас двора в Варшаве!»). Для поэта все это служило знаками инкорпорации польской знати в российскую систему. Едкая ирония звучит в словах графа, обращенных к церемониймейстеру: «Наместнику словцо замолви ты за друга, / И станет фрейлиной тотчас моя супруга»⁶⁴.

Если же, однако, вспомнить, что представленная сцена относилась к читателю к 1823 г., то необходимо сказать несколько слов о том, каким в реальности был двор в Варшаве, в том числе в глазах современников. Действительно ли отсутствие в то время полноценного

⁶¹ *Литвины* — здесь: жители Литвы, то есть части бывшей Речи Посполитой, вошедшей непосредственно в состав Российской империи.

⁶² *Мицкевич А.* Дзяды. С. 228–229.

⁶³ Там же. С. 287, 289.

⁶⁴ Там же. С. 202. В оригинале Мицкевич вместо подлинного наименования придворной должности употребляет сконструированное им самим *pierwsza pokojówka* по аналогии с *Kammerfrau*, то есть «главная горничная». Это придает просьбе аристократа особо уничижительный смысл. Ср.: *Mickiewicz A. Dziady // Mickiewicz A. Dzieła / oprac. S. Pigoń. Warszawa: Czytelnik, 1955. Т. 3. Utwory dramatyczne. S. 209.*

польского королевского двора задевало поляков? В этом, например, был уверен П. А. Вяземский. Он с иронией писал о приеме польским обществом вдовствующей императрицы Марии Федоровны: «Здесь республиканцы любят кланяться в пояс и вытягиваться: отсутствие двора в Варшаве для них несносно»⁶⁵.

Польский историк Миколай Гетка-Кениг провел фундаментальное исследование, посвященное истории королевского двора в эпоху конституционного Царства Польского и отношению к этому институту в польском обществе. Это отношение можно назвать по меньшей мере амбивалентным. Анализ высказываний современников, получивших в молодости придворное звание, демонстрирует парадоксальные результаты. Патриотически настроенная молодежь не стремилась к государственной службе, не считая «воскрешенную» Польшу в полной мере национальным государством. В то же время придворные звания были для нее более желанными. Возможно, это было связано с тем, что российские цари в ипостаси польских королей недолго задерживались в Варшаве, а поляки стремились прочнее вписать их в национальную традицию, не желая делить «своего» короля с кем бы то ни было еще⁶⁶. При этом, по словам Анджея Эдварда Козьмяна (1804–1864), придворные (кроме церемониймейстера Жабоклицкого) вовсе не вызывали насмешек в обществе. Напротив:

Многие, которых ни одна должность не привлекала, добивались придворного титула, а потому польский двор состоял по большей части из людей независимых и охваченных вовсе не придворными настроениями, как оказалось во время восстания 1830 г.⁶⁷

Очевидно, что сцены из III части «Дзядов» Мицкевича, в наибольшей степени повлиявшие на закрепившийся в польской исторической памяти образ эпохи, гиперболизируют польско-русскую конфронтацию. Явно умалывается и роль светской жизни в трансляции патриотических идей. Преувеличение враждебности отношений, с одной стороны, и «продажности» светского общества — с другой, возникает из-за анахронизма в отражении исторических событий. Но именно этот художественный прием позволил Мицкевичу ввести сцены из истории Царства

⁶⁵ *Вяземский П. А.* Из писем князя. С. 513.

⁶⁶ См. *Getka-Kenig* 2016: 220, 227–228.

⁶⁷ *Koźmian A. E.* Wspomnienia. T. 2. Poznań: Nakładem Mieczysława Leitgeb, 1867. S. 140.

Польского (пусть и опережая события) в историософский контекст. Через них поэт хотел представить трагизм истории Польши, вечно находящейся, по словам Ирены Славиньской, «между балом и тюрьмой»⁶⁸.

Что касается исторических реалий, ключевым моментом истории протестных настроений в светском обществе, на мой взгляд, является то, что до Ноябрьского восстания еще возможны были колебания этих настроений. Это доказывает сопоставление художественной литературы с мемуарной. Так, рассказывающая, как веселилась польская столица зимой 1815 г., Габриэла Пузынина заключила: «Варшава издавна отличалась легкостью, с которой переходила от слез к смеху, от войны к танцам»⁶⁹. А неоднократно уже цитированный Ф. Скарбек отметил, что и 1830 год начался весело, карнавал был оживленным, в частных домах устраивались танцевальные вечера и костюмированные балы, словно общество хотело вознаградить себя за два предыдущих карнавала.

Литература

- Карнович 1899 — *Карнович Е. П.* Цесаревич Константин Павлович. Биографический очерк. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1899. 296 с.
- Ковальчикова 2013 — *Ковальчикова А.* Князь П. А. Вяземский в Варшаве // *Amicus Poloniae. Памяти Виктора Хорева* / отв. ред. Н. Н. Старикова. М.: Индрик, 2013. С. 192–204.
- Лотман 2020 — *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). М.: АСТ, 2020. 640 с.
- Марченко 2005 — *Марченко Н. А.* Быт и нравы пушкинского времени. СПб.: Азбука, 2005. 431 с.
- Сдвижков 2012 — *Сдвижков Д. А.* От общества к интеллигенции: история понятий как история самосознания // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода / отв. ред. А. И. Миллер, И. Ширле. М.: НЛО, 2012. Т. 1. С. 382–428.
- Фалькович 2005 — *Фалькович С. М.* Общественное движение в Королевстве Польском глазами царского сыска (1815–1830) // *Życie jest wszędzie... Ruchy społeczne w Polsce i Rosji do II wojny światowej: zbiór materiałów z konferencji, 16–17 września 2003 r.* / red. A. Brus. Warszawa: Neriton, Instytut historii PAN, 2005. S. 93–122.
- Фалькович 2010 — *Фалькович С. М.* Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830) //

⁶⁸ Sławińska 1988: 171.

⁶⁹ *Puzyнина G.* W Wilnie i dworach litewskich. Pamiętnik z lat 1815–1843 / wyd. A. Czartkowski i H. Mościcki. Wilno: Józef Zawadzki, [1928]. 389 s.

- Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского 1815–1830 / отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2010. С. 331–428.
- Филатова 2007 — *Филатова Н.М.* Эпоха конституционного Королевства Польского (1815–1830) в зеркале романтизма // *Польская культура в зеркале веков* / отв. ред. И. Е. Светлов. М.: Материк, 2007. С. 209–225.
- Филатова 2010 — *Филатова Н.М.* Русские и поляки в Королевстве Польском: неудавшийся опыт сближения // *Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского 1815–1830* / отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2010. С. 494–518.
- Филатова, Хорев (ред.) 2009 — *Русская культура в польском сознании* / отв. ред. Н. М. Филатова, В. А. Хорев. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. 336 с.
- Хорев (ред.) 2002 — *Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре* / отв. ред. В. А. Хорев. М.: Индрик, 2002. 344 с.
- Aleksandrowska 1995 — *Aleksandrowska E.* Problem zdrady na podstawie satyr i pamphletów na Polki balujące w czasach tragicznych dla ojczyzny (1774–1832) // *Bo insza jest rzecz zdradzić, insza dać się złudzić. Problem zdrady w Polsce przełomu XVIII i XIX w.* / pod red. A. Grześkowiak-Krwawicz. Warszawa: Instytut Badań Literackich PAN, 1995. S. 115–132.
- Bobryk, Faryno (red.) 2000 — *Polacy w oczach Rosjan — Rosjanie w oczach Polaków* / red. R. Bobryk, J. Faryno. Warszawa: Sławistyczny ośrodek wydawniczy, 2000. 430 s.
- Dylałogowa 1970 — *Dylałogowa H.* Towarzystwo Patriotyczne i Sąd Sejmowy. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1970. 361 s.
- Getka-Kenig 2016 — *Getka-Kenig M.* Dwór króla polskiego w latach 1815–1830 i problem ceremonialnej oprawy “wskrzesej” monarchii w konstytucyjnym Królestwie Polskim // *Kronika zamkowa — Roczniki. Seria nowa.* 2015. № 2(68). Warszawa, 2016. S. 215–244.
- Gomulicki 1992 — *Gomulicki J. W.* Taniec na pobojowisku. Z dziejów warszawskiej satyry patriotyczno-obyczajowej 1792–1828–1832 // *Rocznik Warszawski.* 1992. T. XXII. Warszawa, 1992. S. 43–82.
- Handelsman 1939 — *Handelsman M.* Kryzys r. 1821 w Królestwie Polskim. Lwów: Polskie Towarzystwo Historyczne, 1939. 22 s.
- Jarosńska 2014 — *Jarosńska I.* Nasz naród jak lawa... Podwójne życie literatury polskiej w Królestwie Kongresowym (1815–1830) // *Wolnomularstwo Narodowe.* Walerian Łukasiński. Национальное масонство. Валериан Лукасинский / red. W. Śliwowska. Warszawa: Instytut Historii PAN; Wydawnictwo Neriton, 2014. S. 147–162.
- Kaleta 1993 — *Kaleta R.* Satyry i pamphlety na Polki balujące w czasach tragicznych dla ojczyzny (1774–1832) // *Czasopismo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich.* Wrocław, 1993. Z. 3. S. 33–85.

- Karpińska 1985 — *Karpińska M.* Policje tajne w Królestwie Kongresowym // Przegląd historyczny. 1985. T. 76. Z. 4. S. 679–709.
- Lazari (red.) 2006 — Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan / red. A. de Lazari. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2006. 562 s.
- Kowalczykova 1987 — *Kowalczykova A.* Warszawa romantyczna. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1987. 307 s.
- Kowalczykova 2002 — *Kowalczykova A.* Salon literacki // Słownik literatury polskiej XIX wieku / red. J. Bachórz, A. Kowalczykova. Wrocław: Ossolineum, 2002. S. 854–856.
- Mościcki 1908 — *Mościcki H.* Wilno i Warszawa w “Dziadach” Mickiewicza. Tło historyczne III części “Dziadów”. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1908. 203 s.
- Oleksowicz 2008 — *Oleksowicz B.* “Dziady”, historia, romantyzm. Studia i szkice. Gdańsk: Wydawnictwo słowo/obraz terytoria, 2008. 278 s.
- Polacy w oczach Rosjan 2000 — Polacy w oczach Rosjan — Rosjanie w oczach Polaków / red. R. Bobryk, J. Faryno. Warszawa: Sławistyczny ośrodek wydawniczy, 2000. 430 s.
- Skarbek 1877* — *Skarbek F.* Królestwo Polskie od epoki początku swego do rewolucji listopadowej // *Skarbek F.* Dzieje Polski. Poznań: Księgarnia J. K. Żupańskiego, 1877. T. 2. 314 s.
- Sławińska 1988 — *Sławińska I.* O rozmowach w III części “Dziadów” // *Sławińska I.* Odczytywanie dramatu. Warszawa: Wydawnictwo Szkolne PWN, 1988. 320 s.
- Tokarz 1931 — *Tokarz W.* Polska w latach 1816-1831 // *Tokarz W.* Polska, jej dzieje i kultura. T. 3. Warszawa: Trzaska, Evert i Michalski, 1931. 192 s.
- Wincenciuk 2012 — *Wincenciuk P.* Policje tajne w Królestwie Polskim (1815–1830) i dzieje ich spuścizny aktowej // *Miscellanea Historico-Archivistica.* 2012. № 19. S. 203–222.

References

- Aleksandrowska, E., 1995. Problem zdrady na podstawie satyr i pamfletów na Polki balujące w czasach tragicznych dla ojczyzny (1774–1832). In: Grzeško-wiak-Krwawicz A., ed. *Bo insza jest rzecz zdradzić, insza dać się złudzić. Problem zdrady w Polsce przełomu XVIII i XIX w.* Warszawa: Instytut Badań Literackich PAN, pp. 115–132.
- Bobryk, R., Faryno, J., eds, 2000. *Polacy w oczach Rosjan — Rosjanie w oczach Polaków.* Warszawa: Sławistyczny ośrodek wydawniczy, 430 p.
- Dylańska, H., 1970. *Towarzystwo Patriotyczne i Sąd Sejmowy.* Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 361 p.
- Fal’kovich, S. M., 2005. Obshchestvennoe dvizhenie v Korolevstve Pol’skom glazami tsarskogo syska (1815–1830) [Social movement in the Kingdom of Poland through the eyes of the tsarist secret police (1815–1830)]. In: Brus, A.,

- ed. *Życie jest wszędzie... Ruchy społeczne w Polsce i Rosji do II wojny światowej: zbiór materiałów z konferencji, 16–17 września 2003 r.* Warszawa: Neriton, Instytut historii PAN, S. 93–122. (in Rus.)
- Fal'kovich, S. M., 2010. Pol'skoe obshchestvennoe dvizhenie i politika tsarskoi administratsii Korolevstva Pol'skogo (1815–1830) [Polish social movement and the policy of the tsarist administration of the Kingdom of Poland (1815–1830)]. In: Fal'kovich, S. M., ed. *Polsha i Rossiia v pervoi treći 19 v. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo 1815–1830* [Poland and Russia in the first third of the nineteenth century. From the history of the autonomous Kingdom of Poland 1815–1830]. Moscow: Indrik, pp. 331–428. (in Rus.)
- Filatova, N. M., 2007. Epokha konstitutsionnogo Korolevstva Pol'skogo (1815–1830) v zerkale romantizma [The epoch of the constitutional Kingdom of Poland (1815–1830) in the mirror of Romantism]. In: Svetlov, I. E., ed. *Pol'skaia kul'tura v zerkale vekov* [Polish culture in the mirror of the centuries]. Moscow: Materik, pp. 209–225. (in Rus.)
- Filatova, N. M., 2010. Russkie i poliaki v Korolevstve Pol'skom: neudavshiisia opyt sbližheniia [Russians and Poles in the Kingdom of Poland: A failed experience of rapprochement]. In: Fal'kovich, S. M., ed. *Pol'sha i Rossiia v pervoi treći XIX v. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo 1815–1830* [Poland and Russia in the first third of the nineteenth century. From the history of the autonomous Kingdom of Poland 1815–1830]. Moscow: Indrik, pp. 494–518. (in Rus.)
- Filatova, N. M., Khorev, V. A., eds, 2009. *Russkaia kul'tura v pol'skom soznanii* [Russian culture in Polish mentality]. M.: Institut slavianovedeniia RAN, 336 p. (in Rus.)
- Getka-Kenig, M., 2016. Dwór króla polskiego w latach 1815–1830 i problem ceremonialnej oprawy “wskrzeszonej” monarchii w konstytucyjnym Królestwie Polskim. *Kronika zamkowa – Roczniki. Seria nowa*, 2015, 2(68). Warszawa, pp. 215–244.
- Gomulicki, J. W., 1992. Taniec na pobojuwisku. Z dziejów warszawskiej satyry patriotyczno-obyczajowej 1792–1828–1832. *Rocznik Warszawski*, XXII, Warszawa, pp. 43–82.
- Handelsman, M., 1939. *Kryzys r. 1821 w Królestwie Polskim*. Lwów: Polskie Towarzystwo Historyczne, 22 p.
- Jarosńska, I., 2014. Nasz naród jak lawa... Podwójne życie literatury polskiej w Królestwie Kongresowym (1815–1830). In: Śliwowska, W., ed. *Wolnomularstwo Narodowe. Walerian Łukasiński. = Natsional'noe masonstvo. Walerian Łukasiński*. Warszawa: Instytut Historii PAN; Wydawnictwo Neriton, pp. 147–162.
- Karpińska, M., 1985. Policje tajne w Królestwie Kongresowym. *Przegląd historyczny*, 76, 4, pp. 679–709.
- Kaleta, R., 1993. Satyry i pamflety na Polki balujące w czasach tragicznych dla ojczyzny (1774–1832). *Czasopismo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich*, 3. Wrocław, pp. 33–85.

- Karnovich, E. P., 1899. *Tsesarevich Konstantin Pavlovich. Biograficheski ocherk*. Saint Petersburg: Tipografiia A. S. Suvorina, 296 p. (in Rus.)
- Khorev, V. A., ed, 2002. *Rossia — Pol'sha. Obrazy i stereotipy v literature i kul'ture* [Russia — Poland. Images and stereotypes in literature and culture]. Moscow: Indrik, 344 p. (in Rus.)
- Koval'chikova, A., 2013. Kniaz' P. A. Viazemskii v Varshave [Prince Petr A. Viazemsky in Warsaw]. In: Starikova, N. N., ed. *Amicus Poloniae. Pamiati Viktora Khoreva* [Amicus Poloniae. In memory of Viktor Khorev]. Moscow: Indrik, pp. 192–204. (in Rus.)
- Kowalczykova, A., 1987. *Warszawa romantyczna*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 307 p.
- Kowalczykova, A., 2002. Salon literacki. In.: Bachórz, J., Kowalczykova, A., eds. *Słownik literatury polskiej XIX wieku*. Wrocław: Ossolineum, pp. 854–856.
- Lazari, A., de, 2006, ed. *Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan*. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 562 p.
- Lotman, Iu. M., 2020. *Besedy o russkoi kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvorianstva (18 — nachalo 19 veka)* [Talks on Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (in the eighteenth and early nineteenth centuries)]. Moscow: AST, 640 p. (in Rus.)
- Marchenko, N. A., 2005. *Byt i nrawy pushkinskogo vremeni* [Life and mores in Pushkin's time]. Saint Petersburg: Azbuka, 431 p. (in Rus.)
- Mościcki, H., 1908. *Wilno i Warszawa w "Dziadach" Mickiewicza. Tło historyczne III części "Dziadów"*. Warszawa: Gebethner i Wolff; Kraków: G. Gebethner i Spółka, 203 p.
- Oleksowicz, B., 2008. *"Dziady", historia, romantyzm. Studia i szkice*. Gdańsk: Wydawnictwo słowo/obraz terytoria, 278 p.
- Sdvizhkov, D. A., 2012. Ot obshchestva k intelligentsii: istoriia poniatii kak istoriia samosoznaniia [From society to intelligentsia: The history of concepts as the history of self-consciousness]. In: Miller, A. I., Schierle, I., eds. *"Poniatii o Rossii". K istoricheskoi semantike imperskogo perioda* ["Concepts of Russia". Towards the historical semantics of the imperial period], 1. Moscow: NLO, 2012. pp. 382–428. (in Rus.)
- Skarbek, F., 1877. Królestwo Polskie od epoki początku swego do rewolucji listopadowej. In: Skarbek, F. *Dzieje Polski*, 2. Poznań: Księgarnia J. K. Żupańskiego, 314 p.
- Sławińska, I., 1988 O rozmowach w III części "Dziadów". In: Sławińska, I. *Odczytywanie dramatu*. Warszawa: Wydawnictwo Szkolne PWN, 320 p.
- Tokarz, W., 1931. Polska w latach 1816-1831. In: Tokarz, W., *Polska, jej dzieje i kultura*, 3. Warszawa: Trzaska, Evert i Michalski, 192 p.
- Wincenciuk, P., 2012. Policje tajne w Królestwie Polskim (1815–1830) i dzieje ich spuścizny aktowej. In: *Miscellanea Historico-Archivistica*, 19, pp. 203–222.

Natalia M. Filatova

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334. Leninskii Prospekt, 32A. E-mail: natalifilatova@yandex.ru

Social Life as a Form of National Resistance (from the History of Protest Behaviour of Poles in the Constitutional Kingdom of Poland)

The article deals with one of the forms of protest behaviour of Poles against Russians and Russian policies in the constitutional Kingdom of Poland (1815–1830), and is connected with the sphere of aristocratic life. It focuses on boycotts of secular events and demonstrative mourning during the investigation of members of the Patriotic Society and the Sejm trial (1827–1828) against them. This theme is explored in the context of the history of the Russian colony in Warsaw and the interaction between Russians and Poles from educated society. The sources are Polish and Russian documents of personal origin such as memoirs and epistolary heritage, as well as Polish periodicals and literature including pamphlets against Poles dancing with Russians and scenes from A. Mickiewicz's poem *Dziady*. The novelty of the work lies in the treatment of secular life as one of the forms of national identity expression in Polish material. This problem is explored in the context of an understudied topic, namely the history of the Russian colony in Warsaw and the interaction between Russians and Poles from educated society on a daily level. One of the most important tasks of the article is to create a historical picture, free from subsequent historiographical and literary layers, from the influence of Romanticism on Polish historical memory. This is done by comparing sources of various types: ego-documents, literary texts of the era, and fiction created after the Polish National Liberation Uprising of 1830–1831.

Keywords: Russian-Polish relations in the nineteenth century, Russians in Warsaw, Patriotic Society (1821–1826), Sejm Court (1827–1828), patriotic ethics, ball, “*Dziady*”, Adam Mickiewicz, protest behaviour, moral and political satire, Polish memoirs

How to cite: Filatova, N.M., 2022. Svetskaia zhizn' kak forma natsional'nogo soprotivleniia (iz istorii protestnogo povedeniia poliakov v konstitutsionnom Tsarstve Pol'skom). *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 310–344. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.13.